

Morphology of Pornography: Magical and Fairy-Tale Roots of Modern Porn Discourse

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Received: 20 November 2023 | Revised: 10 January 2024 | Accepted: 1 February 2024

Abstract

In this article, the author analyzes visual discourses of physicality in modern porn discourse through the prism of structuralist theory proposed by Russian researcher Vladimir Propp. The article is one of the first attempts in modern historiography to transplant the methods and principles proposed by Vladimir Propp to analyze the current state of porn in popular culture. The purpose of the article is to analyze the relationships and interdependencies between modern porn culture, presented in visual forms, and its historical predecessors. It is assumed that the origins of pornographic discourse, which operates in visual forms, can be localized in folk traditional culture. Forms and dimensions of physicality and actions of the heroes of modern pornographic discourse are perceived as structural elements of mass culture. The results of the study can be summarized in the following way: 1) the visual structure of modern porn has lost its uniqueness and originality in the consumer society; 2) the plots and sequence of actions of the heroes of modern pornographic discourse can be compared with similar plots and behavioral strategies of folk discourse; 3) porn in modern society plays roles that are similar to ones played by fairy tales in the traditional culture of pre-modern societies. The author believes that modern porn discourse imitates reality, although initially the behavior of the characters and the plots are fantastic and unrealistic in their nature. It is shown that the development of porn became a reaction to the demand of consumer society for visualized narrative constructions based on the archetypes of traditional folk culture.

Keywords

Porn; Mass Culture; Traditional Culture; Vladimir Propp; Structuralism; Visualization of Pornographic Discourse; Public Demand for the Fabulous; the Historical Roots of the Pornographic Body; Morphology of the Pornographic Body; Imitation of Fairy Tale Discourse

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Морфология порнографии: волшебные и сказочные корни современного порно-дискурса

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.

Email: [maksymkyrchanoff\[at\]gmail.com](mailto:maksymkyrchanoff[at]gmail.com) ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Рукопись получена: 20 ноября 2023 | Изменена: 10 января 2024 | Принята: 1 февраля 2024

Аннотация

Автор в представленной статье анализирует визуальные дискурсы телесности в современном порно-дискурсе через призму структуралистской теории, предложенной российским исследователем Владимиром Проппом. Статья является одной из первых попыток в современной историографии трансплантировать методы и принципы, предложенные Владимиром Проппом, для анализа актуального состояния порно в массовой культуре. Целью статьи является анализ взаимосвязей и взаимозависимостей между современной порно-культурой, представленной в визуальных формах, и ее исторических предшественников. Предполагается, что истоки порнографического дискурса, который функционирует в визуальных формах, могут быть локализованы в народной традиционной культуре. Проявления телесности и действия героев современного порнографического дискурса воспринимаются как структурные элементы массовой культуры. Результаты исследования могут быть суммированы следующим образом: визуальная структура современного порно утратила свою уникальность и оригинальность в обществе потребления, сюжеты и последовательность действий героев современного порнографического дискурса могут сравниваться с аналогичными сюжетами и поведенческими стратегиями народного фольклорного дискурса; порно в современном обществе играет роли, которые аналогичным тем, что играла сказка в традиционной культуре домодерных социумов. Автор полагает, что современный порно-дискурс имитирует реальность, хотя изначально стратегии поведения героев и сюжеты фантастичны и нереальны. Показано, что развитие порно стало реакцией на запрос общества потребления на сюжеты, основанные на архетипах традиционной фольклорной культуры.

Ключевые слова

порно; массовая культура; традиционная культура; Владимир Пропп; структурализм; визуализация порнографического дискурса; общественный запрос на сказочное; исторические корни порнографического тела; морфология порнографического тела; имитация сказочного дискурса

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Массовая культура является доминирующей и определяющей формой функционирования культурного дискурса в современном обществе. Доминирование именно массовой культуры стало следствием широких социальных, политических и экономических трансформаций, которые превратили домодерные, раннемодерные или зрелые современные социальные группы и сообщества в общество потребления.

Потребление в современном мире носит различный характер. Одним из символических и реальных потребляемых современным обществом товаров являются порно. Подобно тому, как «существование фольклорного произведения предполагает усваивающую и санкционирующую его группу» (Богатырев & Якобсон, 1971) в традиционном обществе, так и в современном обществе потребления присутствуют группы, на которые насчитано производство порно-контента. Порноиндустрия стала важным фактором современных культурных индустрий общества потребления, так как она «выдвинула женскую сексуальность на передний план культуры и заставила общество уважать то, что раньше осуждалось и запрещалось» (Gvasalia, 2020).

Порно, как явление массовой культуры, возникает во второй половине XX века, динамично развиваясь на протяжении 1960 – 1980-х гг. Новый этап в истории порно начинается в 1990 – 2000-е гг., когда порно стало действительно массовым, подвергшись постепенной виртуализации. Комментируя современные тенденции развития массовой культуры, связанные с новыми формами ее локализации, Гиги Тевзадзе полагает, что «на смену эпохе Гутенберга пришла эпоха Цукерберга» (Tevzadze, 2021). Поэтому смена пространства и сферы культурной локализации порнографического дискурса привела к значительным структурным и содержательным изменениям в рамках современной порно-культуры общества потребления.

Методология и историография

Большинство современных порнографических визуальных объектов, локализованных в виртуальных пространствах на специализированных сайтах, анализируется в рамках современной междисциплинарной историографии. Подходы, которые применяются для изучения порно, различны. Порно может интерпретироваться как форма деградации и вырождения культуры общества потребления, которое утратило связи с исторически предшествующими культурными формами. Кроме этого, порно может восприниматься как проявление актуализации или реактуализации традиционного домодерного наследия, связанного с визуализацией и проговариванием сексуальности. В рамках такого восприятия порнографическое в современном обществе потребления воспринимается как компонент культурного наследия, получен-

ного обществом потребления от его отдаленных архаичных исторических и культурных предшественников.

В современных теоретических исследованиях порно, его исторические предшественники редуцируются до фольклора, который сыграл определенную роль в генезисе актуального и современного порно-дискурса, и проговаривания культурой потребления элементов и образов, ответственных за проявления сексуальности. Порно, как полагает автор статьи, в своей структуре при визуализации сюжетов актуализирует преемственность с традиционной культурой. Поэтому анализ порнографического пласта в современной массовой культуре носит междисциплинарный характер.

Порно, подобно понятию «гендер», которое, как полагает К. МакКиннон, «не было создано в нашем сознании после чтения философских книг, написанных другими людьми; это не была Истина, которую мы намеревались установить, чтобы положить конец академическим дебатам или создать область или нишу, дабы получить работу. Это было то, что женщины нашли там сами... Шаг за шагом, в формулировании непосредственного опыта, в сопротивлении раскрываемым частностям, в попытках сделать статус женщины иным, чем он был, была предложена теория, а вместе с ней и метод, который мог бы быть адекватным для нашего знания» (MacKinnon, 2000, p. 688). Таким образом, в современных междисциплинарных исследованиях, сфокусированных на изучении порно, заметен определенный дефицит работ, сфокусированных не просто на изучении визуальных форм порнографии в обществе потребления, но на изучении генетических связей, которые существуют между порнографическим и традиционным.

По мнению Б. Малиновского, «антрополог – единственный среди множества участников мифологического спора имеет уникальное преимущество, заключающееся в возможности оказаться рядом с дикарем всякий раз, когда он чувствует, что его теоретическая мысль заходит в тупик и источник его аргументации иссякает. Антрополог не прикован к скудным останкам культуры, разбитым табличкам, поврежденным текстам или обрывкам рукописей. Ему нет необходимости заполнять огромные пробелы пространными, но спекулятивными комментариями. Антрополог смотрит в глаза создателю мифа» (Малиновский, 1998). Современный исследователь порно как сегмента массовой культуры, если и не контактирует непосредственно с современными порнографами, то «считывает» тенденции к постепенной порнификации культурных пространств, так как визуализация обнаженного тела стала одной из универсальных форм существования культуры потребления.

Методологически представленная статья основана на принципах структурализма, предложенных российским филологом Владимиром Проппом, который анализировал через призму конструирования и деконструкции структуры, текстуальные, содержательные и сюжетные особенности народной волшебной сказки (Пропп, 1928; Пропп, 1986). Подобная методология позволяет показать, что, с одной стороны, сюжеты современного визуального порно-

дискурса формально имитируют реальность, но фактически являются нерелевантными. Алексей Чигвинадзе, комментируя современные особенности культурной ситуации, полагает, что «сегодня “великая пропасть” между “высоким” и “низким” искусством исчезла. Новый клип Мадонны, телевизионная комедия, реклама дезодоранта, предвыборная речь или граффити – столь же интересные объекты исследования, как поэзия Байрона или проза Флобера. Дискурсы искусства и средств массовой информации не сменили друг друга, но их взаимозависимость приняла необычайно сложный и многообразный характер» (Čighvinadze, 2015). Развивая это допущение, мы можем предположить, что между традиционной архаичной сказкой и постмодерным порно не существует не только системных противоречий, но и принципиальных различий.

Трансплантируя описанные выше принципы в анализ современного порно, следует принимать во внимание и ограниченность структурализма как метода. По мнению Е. Мелетинского, «структурный анализ более всего подходит для синхронных описаний культурных объектов, относительно однородных и устойчивых к изменению во времени, и что он целесообразен прежде всего как инструмент изучения механизмов функционирования определенных идеологических или художественных систем» (Мелетинский, 1977). Если мы воспринимаем порно не только как сегмент современной массовой культуры общества потребления, но и допускаем присущую ему устойчивость и однородность, превращающую порно в «художественную систему», то в этой ситуации структурные методы вполне приемлемы как для описания современного состояния порно, так и выяснения его генетических связей с предшествующими ему традиционными культурными формами.

В этом контексте порно-культура общества потребления является аналогом сказочной культуры, так как актуальные версии и формы потребления генетически связаны с предшествующими ей сказочными нарративными культурами традиционного общества, которые удовлетворяли культурные запросы и ожидания соответствующих групп. В пользу проведения аналогий и параллелей между традиционной культурой и современным порно, вероятно, свидетельствуют отдельные исследования (Шейтанов, 1932), сфокусированные на изучении сексуального фольклора, нацеленного и направленного на актуализацию, визуализацию и проговаривание тем, связанных с сексом, в архаичном домодерном обществе. Поэтому предполагается, что порно-дискурс не только имитирует стратегии развития сюжета волшебной сказки, но и является ответом общества потребления на запрос сказочности, так как современному обществу не хватает традиционных ресурсов легитимации стратегий визуализации и проговаривания сексуального.

Цель и задачи статьи

Целью представленной статьи является анализ взаимосвязи и взаимозависимости между современной порно-культурой, которая доминирует и развивается преимущественно в визуальных формах и ее историческими предшественниками, представленными нарративами, локализуемыми в рамках традиционной культуры. В силу того, что «структурализм не призван объяснить каждый текст. Он интересуется общими закономерностями» (Чистов & Тишков, 1997), в представленной статье автор стремится дать своего рода «введение» в изучение морфологии современного порно как структуры через призму структуралистского изучения традиционной домодерной культуры, ограниченной сказкой.

Исходя из подобных методологических оснований и историографической ситуации, задачами представленной статьи являются: 1) сравнительный анализ современного визуального порнографического дискурса с его традиционными, архаичными, преимущественно нарративными, предшественниками, 2) выявление общих точек соприкосновения между современным порно-дискурсом и традиционной культурой, 3) анализ основных структурных элементов порнографического дискурса в его визуальной форме через призму актуализации элементов, которые современная порно-культура унаследовала от традиционной культуры, представлено различными формами проговаривания сексуального, в том числе и волшебной сказкой.

Функциональный структурализм: от описания фольклора к анализу порно

Ряд моментов подхода В. Проппа (Пропп, 1928; Пропп, 1968), который использовался им для анализа волшебной сказки, мы можем трансплантировать для изучения современного порно.

Согласно В. Проппу, морфологически народная сказка включает определенные структурные элементы, которые не только обязательны, логически связаны, но и пребывают в состоянии взаимной зависимости друг от друга. Эти компоненты ценны как в отдельности, так и в комплексе, образуя и формируя целостную структуру. В традиционной народной культуре, компонентом которой является сказка, присутствуют различные структурные компоненты. Если одни из них постоянны, то другие, наоборот, переменны и нестабильны. В дискурсе народной культуры действия персонажей связаны, так как влияют на общее конструирование сюжета.

Поэтому функции героев сказки отличаются стабильностью, так как они выполняют определенные роли. Ролевая структура, которая воспримется в историографии в качестве одного из центральных структурных компонентов народной сказки (Васиу, 2023, pp. 9–28), была ассимилирована в рамках современного порно, будучи подвергнутой визуализации. Для последних характерна

определенная последовательность, так как активность действующих лиц непосредственно влияет на ход развития событий. Сюжет, таким образом, конструируется исходя из действий героев. Вместе с тем, число функций и, как результат, возможных и вероятных действий персонажей не только относительно стабильно, но и ограничено. Кроме этого, во внимание следует принимать стабильность сказочного дискурса и присущий ему консерватизм. Последовательность действий-функций героев практически всегда одинакова, а вариации, хотя и возможны, но незначительны или минимальны.

Принимая во внимание уровень консерватизма, который характерен для российского академического сообщества, попытки изучения порно как формы и явления современной культуры в определенной степени являются маргинальными. Поэтому, следует упомянуть слова современного грузинского культурного критика Гочи Гвасалии, который подчеркивает следующее:

«Я пишу о порнографии не потому, что хочу на короткое время привлечь внимание снобистской и подражательной публики, падкой на сенсации и моралистическую клоунаду, но от того, что порнография и индустрия для взрослых стали глобальной культурной тенденцией, проникшей в средства массовой информации, массовую культуру и повседневную жизнь общества. Важно понять это соответствующим образом и создать необходимый для ее описания дискурс» (Gvasalia, 2020).

Представленная автором статья позиционируется как одна из попыток формирования подобного академического дискурса, в рамках которого порно будет восприниматься и анализироваться как один из структурных элементов современных культурных практик и индустрий общества потребления.

Анализируя эти культурные процессы, во внимание следует принимать и то, что «благодаря процессу объективации тела, особенно женского тела, порно становится культурным фетишем, в котором нуждается массовая культура» (Schussler, 2013, p. 7). Реализация этой потребности имеет различные формы и модели, одной из которых является имитация сказочного сюжета и трансплантация его структурных элементов в современный визуальный порнографический дискурс. Народная культура на протяжении длительного времени являлась пространством локализации непристойного (Пенушлиски, 2015) – от эротического до порнографического (Hughes, 2017a, 2017b), что, вероятно, позволяет воспринимать ее в качестве одной из социальных и культурных прародин современного порно (Legman, 1964). Процесс взаимопроникновения традиционного и порнографического, вероятно, следует воспринимать как форму культурной реакции общества потребления в десакрализованном мире на запрос на волшебное и чудесное, дедуцированное до порно-роликов, широко представленных в сети, которые начали играть роль волшебной сказки, так как в той или иной степени в состоянии удовлетворить культурные запросы отдельных групп потребителей.

Исходя из этого допущения, практически все сказки или их подавляющее большинство близки или даже однотипны, так как имеют общее построение

сюжета и структуру формирующих его действий в силу того, что герои утрачивают свою индивидуальность, трансформируясь из антропогенного героя в героя-функцию, который несамостоятелен, но только участвует в процессе. Несмотря на такую внешнюю стабильность выстраивания сказочного дискурса, он содержит определенный набор переменных параметров.

Последние, как правило, ситуативны и представлены способами реализации функций, которые приписываются героям, исходя из структуры сюжета. Кроме этого, персонажи могут отличаться и варьироваться социальными и культурными атрибутами, а воспроизводимый ими дискурс может быть лингвистически разнообразным. Функции, их последовательность, реализуемая путем выстраивания структурных элементов сказки в определенном порядке, фактически составляет основу большинства сказок, относимых к традиционной культуре и локализуемых в ее рамках.

Поэтому мнение консерваторов и традиционалистов о том, что «порнография – неподходящая тема для изучения в аудитории. Они хотят, чтобы мы поверили, что порно – это просто видео людей, занимающихся сексом, и, следовательно, это тривиально и не является источником ничего более значимого, чем смешки в студенческой аудитории» (Burt, 2001). Подобная позиция не является академической, будучи мотивированной политически и идеологически. По мнению американского культуролога Р. Берта, «нападки на исследования порнографии на самом деле являются не столько нападками на изучение секса, сколько на изучение массовой культуры. Консерваторы, которые жалуются на изучение порнографии, это – люди, которые выступают против изучения популярной культуры в целом» (Burt, 2001). Таким образом, согласно Р. Берту, «есть одна вещь, в отношении которой у нас действительно нет выбора. Если мы серьезно хотим понять нашу культуру, то нам обязательно придется изучать порно, нам придется об этом думать» (Burt, 2001) не только в контекстах его функционирования в современной массовой культуре общества потребления, его культурных практиках и индустриях потребления, но и через призму генезиса порнографического, его исторических и генетических связей с традиционной культурой.

Порно с проппианской точки зрения: функции сказочного героя в порно-дискурсе

Анализируя структуру сказки, В. Пропп (Пропп, 1928; Пропп, 1968) выявил и описал 31 функцию героя сказочного дискурса, представленные в нижеприведенной таблице, основанной на восприятии современного порно-дискурса как актуальной формы функционирования сказочной культуры в современном обществе потребления. «Трансплантируя подход В. Проппа на изучение порно, следует принимать во внимание и возможность структурирования типического порнографического сюжета» (Кирчанов, 2020, с. 74). Вместе с тем, в представленной статье автор не анализирует два аспекта изучаемой проблемы –

эротическое / порнографическое в народной культуре и те формы современного порно, которые симулируют народную культуру, интерпретируя ее через порнографический дискурс. Этой проблеме, с одной стороны, посвящены некоторые исследования (Hughes, 2017), а с другой, она представляется автором вполне самодостаточной для независимого изучения.

В то время, как В. Пропп стремился «не к описанию поэтических приемов самих по себе, а к выявлению жанровой специфики волшебной сказки, с тем чтобы впоследствии найти историческое объяснение единообразию волшебных сказок» (Мелетинский, 1998), так и в центре авторского внимания в представленной статье – не анализ форм построения порнографического сюжета самого по себе, но выявление особенностей жанрового плана с целью выявления причин преобладания сходных сюжетов в структурировании современного порнографического дискурса.

Некоторые функции, включая «Вредитель пытается произвести разведку», «Искатель соглашается или решается на противодействие», «Герой испытывается, выпрашивается, подвергается нападению и пр., чем готовится получение им волшебного средства или помощника», «Герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков», «Начальная беда или недостача ликвидируется», «Герой возвращается», «Герой подвергается преследованию», «Герой спасается от преследования», «Ложный герой предъявляет необоснованные притязания», «Героя узнают», «Ложный герой или вредитель изобличается», «Герою дается новый облик», «Враг наказывается», в визуальном порнографическом дискурсе не фиксируются или представлены в незначительной степени в сравнении с теми, что описаны ниже. Поэтому, вариативность, как подчеркивает Н.М. Герасимова, «является закономерным способом существования традиции» (Герасимова 1978а, с. 28), что проявляется в различном присутствии описываемых ниже функций в современном порно-дискурсе.

Один из членов семьи отлучается из дома

Отсутствие героя, как правило, анонимного и никогда не визуализируемого – системная особенность и одна из центральных характеристик современного порно-дискурса. Начальная точка современного порно актуализирует ситуации одновременно внутренней и внешней неопределенности. Это стало следствием того, что для актуальной культурной ситуации «характерны плюрализм и многообразие взглядов. Идеалы Просвещения были обесценены или, точнее, приравнены к любым другим идеалам. Мышление утратило способность и веру в то, что оно способно познавать мир. Здравый смысл потерял приоритет, интуиция вновь обрела свои права. Потребность в предпочтениях исчезла, и традиционное, древнее, архаичное приобрело такую же силу, как и современное» (Berek'ašvili, 2010a).

В этой культурной ситуации порно актуализирует различные сюжетные линии, в рамках которых выстраиваются те или иные модели поведения и

коммуникации героев. В такой ситуации визуализация «это всего лишь визуализация желаемой реальности в воображении» (Barbakadze, 2015a). Поэтому большинство сюжетов современного порно основано на «исчезновении» / «отсутствии» героя, что является условием для начала действия. Количество подобных ситуаций в современном порно ограничено: отсутствие может быть связано с «исчезновением» жены / мужа / отчима и проч., что становится поводом для начала действий, которые являются центральным элементом сюжета и визуализируются в то время, как отсутствие того или иного персонажа только проговаривается, а его существование допускается a priori и не предусматривает визуализации.

К герою обращаются с запретом

Специфика построения сюжета в современном порно-дискурсе предусматривает наличие многочисленных культурно и социально обусловленных запретов, которые фактически являются табу. Подобные запреты, как правило, носят сексуальный характер, ограничивая возможность контактов между действующими лицами. Такие запреты в современном порно-дискурсе подвержены ритуализации. Согласно С.Б. Адоньевой, «ритуал – это определенный набор и порядок действий, совершаемых человеком или группой и при этом имеющих для исполнителей определенный смысл» (Адоньева, 2007).

В этом контексте сама практика введения запретов наделяется смыслами, что вынуждает порнографического героя современной массовой культуры общества потребления, как и его исторического предшественника из домодерной культуры традиционного общества, эти запреты нарушать. Вместе с тем, нарушение не имеет механического, автоматического характера. Нарушение превращается в акт социальной коммуникации, что наделяет его признаками ритуала.

Запрет нарушается

Несмотря на наличие предписываемых ограничений и запретов, последние в современном визуальном порно-дискурсе постоянно нарушаются. Речь в данном случае идет, как правило, о социально предписываемых запретах и совершении табуированных действий, но в современном порно запреты, озвученные вербально, оказываются недействующими. Такая ситуация стала следствием растущего недоверия к тексту, его эрозии и размывания как социального и культурного института.

Поэтому, комментируя подобную ситуацию, Мариан Эбаноидзе подчеркивает, что в современном обществе текст не только «высмеивает претензии любого культурного топоса на доминирование над ним, но нам приходится проходить через тексты, а не оставаться в них. Идеология считает удовольствие, получаемое от чтения текстов, незаконным развлечением» (Ebanoidze, 2010), что стало следствием возобладания визуального над нарративно-дискурсивным, вытеснением и маргинализацией второго первым. Если мы принимаем порно как элемент социальной и культурной реальности

современного общества, основанного на массовом потреблении, то, вероятно, мы можем предположить, что «в центре социального события находится субъект, инициатор действия, он действует по определенным правилам» (Адоньева, 2004, с. 38). Подобные нарушения могут носить иерархический (шеф / подчиненная, врач / пациент и т.п.) и семейный характер (отчим / падчерица, мачеха / пасынок).

Вредителю даются сведения о его жертве

Отношения «вредитель» / «жертва» фигурируют в ограниченном числе роликов, которые принадлежат к современному порнографическому дискурсу. В центре таких сюжетов, как правило, отношения между братом и сестрой, в рамках которых брат получает сведения, которые позволяют ему воспользоваться сестрой. Отношения «вредитель» / «жертва» с определенными модификациями могут быть представлены и в других сюжетных линиях. Подобно тому, как «небольшие по объему заметки укладываются в один “ход” по терминологии Проппа, т.е. содержат одно событие» (Веселова 1998, с. 9), так и значительная часть визуальных форм, относящихся к современному порнографическому дискурсу, не отличается сложной структурой.

Вредитель пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или её имуществом

Структурно современный порно-дискурс предусматривает не только наличие элемента обмана в определенных сюжетных линиях, но и его актуализацию при помощи игровой коммуникации, в которую вовлечены как герой-мужчина, так и героиня-девушка. «Обман» может быть описан как структурный элемент порно. Подобная интегрированность в порнографический дискурс лишает его оригинальности, усиливая проявления серийности и характеристики массовости. В этом контексте порно-дискурс актуализирует свои генетические связи с традиционной, домодерной культурой, включая ее фольклорное измерение.

Как полагает С.Б. Адоньева, «стереотипность охватывает все уровни фольклорного текста, на уровне интонации она проявляется в ориентации на повторы ритма, на уровне лексики – на устойчивость тропов, на уровне синтаксиса – на воспроизведение ограниченного числа конструкций» (Адоньева, 2004, с. 5). Поэтому «обман» как игра и «обман» как форма коммуникативного поведения предусматривает развитие сюжета в рамках современного порно, что ведет к переходу коммуникации между героями на содержательно новый уровень. Обман в современном порно может играть роль прелюдии или условия для коитуса, ставшего «важным эстетическим явлением и прибыльным рыночным продуктом» (Gvasalia, 2020).

Обман может быть как реальным, так и мнимым, наигранным, что является попыткой со стороны героини спровоцировать героя на действия. Обман в современном визуальном порно-дискурсе реализуется в рамках игр, включая, например, «Правда или действие». В отличие от традиционной

сказки, сказочность современного порно не ограничена только попыткой обмана. Сюжетная линия получает продолжение, что проявляется в переходе героев от игры на содержательно другой уровень коммуникации и взаимодействия.

Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу

Один из архетипических и самых распространенных элементов современного порнографического дискурса. Обман как форма коммуникации представляет собой диаду. По мнению К. Брето и Н. Заньоли, диада – это «связь между двумя персонажами» (Брето & Заньоли, 1985, с. 169). Как правило, обман, как форма связи, представлен в роликах, в центре которых – инсценировка инцеста. В подобных роликах в качестве жертвы условного «обмана» становится сводная сестра, которая усилиями сводного брата оказывается вынужденной вступать с ним в связь сексуального характера.

Непременным условием последнего является обнажение героини. Подобные «манипуляции с одеванием, раздеванием и переодеванием имеют соответствия в свадебной ритуалистике» (Неклюдов, 2011), что, вероятно, указывает на генетические связи порнографического и традиционно-культурного дискурсов. При этом последствия обмана, в соответствии с сюжетом подобных роликов, могут оказываться одинаково выгодными для двух участвующих сторон.

Вредитель наносит одному из членов семьи вред или ущерб

Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо. «Вред» может быть определен как один из системных элементов современного визуального порнографического дискурса. Категория «вреда» в современном порно становится нормой и практически никак не соотносится с понятием «маргинальность». Комментируя реабилитацию маргинальности или изменение отношения к ней, Тамар Берекашвили подчеркивает, что «маргинальные творцы оказались рядом с главными и часто задействованными авторами, и в целом маргинальные люди стали не менее интересными и важными, чем личности, формирующие основной дискурс» (Berek'ašvili, 2010b).

Массовая культура, по мнению некоторых российских исследователей, «обращается к широкой аудитории, оперирует максимально простой, отработанной культурной традицией техникой» (Летина & Ежгурова, 2018). В такой ситуации структурные элементы народной сказки представляются весьма удобным и действенным механизмом для актуализации и визуализации порнографического, включая такой распространённый сюжет современного порно как инцест. Поэтому, эти образы, как правило, визуализируются в роликах, которые актуализирует инцест. Инцестуальные мотивы в современном порно, вероятно, указывают на его генетические связи с предшествующими формами традиционной культуры. Если в фольклоре «мотив инцеста символически (метафорически) сопряжен с идеей узурпации власти над матерью-родиной» (Мелетинский, 1984), то в порно-дискурсе образы узур-

пации также заметны, но в значительной степени упрощены и редуцированы до получения одним из героев временных преимуществ или конъюнктурной, ситуативной выгоды. Как правило, сводная сестра / сводный брат оказываются жертвой старшего члена семьи, который / которая с его / ее помощью, вынужденной или добровольной, реализует свои желания.

Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают

«Беда» – классический элемент современного порнографического дискурса, но ее проявления и формы не отличаются содержательным разнообразием и, как правило, ограничены попаданием в неприятную / неудобную ситуацию героини, что превращает ее в объект сексуального воздействия со стороны мужских персонажей. Перечень таких сюжетов не может быть признан чрезмерно разнообразным и ограничен, как правило, сценами заставания сводной сестры, мачехи или соседки, что фактически является завязкой для дальнейшего развития событий.

Герой покидает дом

Покидание дома не может быть признано самым распространенным структурным элементом современного порнографического дискурса. Одной из причин неразвитости элемента стали ограничения, связанные со спецификой процесса съемок и оптимизации расходов.

Тем не менее, в случае оставления дома действие может быть перенесено в публичные и общественные пространства, лес или автомобиль. В такой ситуации современная массовая культура дополняет традиционные элементы сказки, сочетая их с тем, что грузинский критик Гоча Гвасалиа определяет как «порно-паттерны» и «порно-перформанс» (Gvasalia, 2020). Поэтому покидание / оставление дома редуцируется до показного элемента, предшествующего другим формам коммуникации.

Герой реагирует на действия будущего дарителя

Реакция на действия дарителя в современном порнографическом дискурсе гендерно маркирована. Как правило, реагировать вынуждена героиня в то время, как герой актуализирует доминантные функции, принуждая героиню к совершению определенных действий. Реакция героини может быть двойкой – вербальной и физической, но обе эти реакции фактически редуцированы до структурных элементов коммуникации.

Такая структура в современном порнографическом дискурсе стала следствием того, что «в нашей действительности существуют разные типы процессов десемантизации, однако в ряде случаев подобные процессы требуют большего, чем просто лингвистический анализ» (Barbakadze, 2021). Последний становится еще менее эффективным, если мы воспринимаем порно как форму вненарративной культуры, так как дискурс в современном порно второстепенен, будучи подчиненным визуальному ряду.

В распоряжение героя попадает волшебное средство

Наличие «волшебных» средств – не самый распространенный элемент в современном визуальном порнографическом дискурсе. Несмотря на то, что, по мнению И.С. Веселовой, «недостоверность сказки сомнению не подвергается» (Веселова, 2006, с. 50), современные проявления порнографического дискурса фактически также актуализирует потенциал ресурса недостоверности. Несмотря на то, что общество потребления испытывает определенную потребность в сказке, она не всегда должна быть волшебной.

Волшебные элементы в порно актуализируются только в случае полномасштабных экранизаций, известных как порнопародии, когда объектом порнификации и имитации может выступать культурное наследие, что, например, относится к порноверсиям классических сюжетов, связанных с Золушкой, Белоснежкой или русским «фольклором». Волшебство – факультативный и совершенно необязательный элемент современного порно. Оно присутствует в крайне ограниченном числе роликов и только в том случае, если его появление / наличие необходимо для реализации визуальной структуры.

Герой и вредитель вступают в непосредственную борьбу

Функции «героя» и «вредителя» в структуре современного порно представляются крайне условными, хотя для распределения таких ролей характерны гендерные особенности. «Вредителем» может оказываться как герой-мужчина, так и героиня-девушка. Если мы воспринимаем современное порно как форму культуры, играющую роль сказки традиционного домодерного социума в современном обществе потребления, то описываемая форма коммуникации героев может быть определена как «элементарный сюжет».

По определению литовской исследовательницы Б. Кербелите, «элементарный сюжет – это такие фрагменты текста или самостоятельные тексты, в которых изображается одно столкновение двух персонажей или их групп (иногда – столкновение персонажа с объективными условиями) при достижении героем одной цели. Героем ЭС считается тот персонаж, судьба которого в нём изображается; цель героя устанавливается по достигнутому позитивному или негативному результату столкновения» (Кербелите, 2005).

В этом контексте «описанные выше абстрактные роли выполняются конкретными персонажами данной сказки. В пределах одного хода роль персонажа постоянна, но от хода к ходу она может меняться, так что один персонаж выступает то в роли героя, то в роли дарителя» (Рафаева, 1998). Диапазон ситуаций, в которых они коммуницируют в рамках современного порно, является ограниченным. Поводом для борьбы может стать нарушение имущественных прав героя-мужчины, который оказывается фактически исключенным, так как персонально невидим, в то время как визуализации подвергается преимущественно девушка.

Героя метят

«Метка» является одним из самых распространенных элементов современного порно, что связано с распределением ролей и актуализацией идеи доминирования героя-мужчины. С формальной точки зрения, подобные действия героев, связанные с меткой друг друга, могут восприниматься как исключенные из сферы культуры, будучи аморальными.

Тем не менее, «анаидия (бесстыдство) стала распространенным рыночным продуктом» (Gvasalia, 2020) в современном обществе потребления. «Метка» символизирует закрепление власти, доминирования и влияния героя-мужчины над героиней-девушкой. «Метка» героя представлена в как в роликах, которые имеют структурированный сюжет, так и в видео, которые могут загружаться пользователями самостоятельно. Вместе с тем, этот аспект современного порнографического дискурса актуализирует присущий ему симулятивный и имитативный характер.

Как полагает современный грузинский историк Р. Коява, «понятие подлинности текста, открытого для интерпретации, ставит под сомнение подлинность истории. Если перенести этот подход на историю, то станет ясно, что история не может претендовать на реальность описываемых ею фактов, а историк не может при помощи своих инструментов увидеть историческое прошлое» (Koiava, 2013). Современный порнограф, подобно историку, не в состоянии передать подлинность и аутентичность моделируемых событий, что в еще большей степени указывает на генетические связи между порнографическим и сказочным дискурсом.

Вредитель побеждается

Поражение – не самый распространенный структурный элемент современного порнографического дискурса, который представлен в ограниченном числе роликов, где развитие событий предусматривает сюжетную линию, связанную с наказанием героини. Последней, по сюжету, как правило, является сводная сестра / мачеха, поражением которой является вступление в контакт со свободным братом / пасынком. В этом контексте для современного порно характерно сочетание двух подходов к описанию мира: если первые основаны на структурах, то вторые – текстах.

Поэтому, «структуралистские и интертекстуальные описания мира, основанные на языке и тексте, не противостоят друг другу, а, наоборот, дополняют друг друга... у семиотических описаний сторон гораздо больше... В первом случае мы имеем дело с раскрываемыми и скрытыми структурами, а во втором – со смысловой неопределенностью, игрой, что также очень важно» (Barbakadze, 2015b). Поэтому для современного порно, точнее тех роликов, которые актуализируют образы поражения / победы, в значительной степени характерна подобная неопределенность, основанная на постепенном раскрытии структуры действий и поступков героев, которые формируют сюжет.

Герой неузнанным прибывает домой или в другую страну

Неузнавание в современном порно стало следствием анонимизации личности героя. Вместе с тем, анонимизация не исключает визуализации телесности. Как полагает Г. Мариамидзе, «у человека есть половые органы и органы выделения, сформировавшиеся в результате животного происхождения, то есть влагалище и уретра. Присутствуют также ягодицы, спина и анус. Я не знаю, произошло ли это в результате хитрости природы – эволюции, или же Бог любит черный юмор. Я уверен в одном: люди прикрывают свои половые органы, и их внешний вид считается позорным не потому, что постыдны секс и половые органы, а всем виной близлежащие органы. Стыд и зачастую брезгливые реакции на сексуальность, наготу и секс вообще (требование запрета) на самом деле являются ассоциативным чувством, вызванным физиологической близостью этих половых и выделительных органов» (Mariamidze, 2013).

В современном порно, с одной стороны, мнимое и наигранное «неузнавание» сопровождается подчеркнутой визуализацией именно половых органов, демонстрация которых подменяет идентичность героев. С другой, герои в такой ситуации, как правило, неравны. В большей степени визуализируется только феминная телесность, в то время как мужская играет только вспомогательную роль в актуализации и визуализации женской. Неузнавание – не самый распространенный компонент в структуре современного порно, но его наличие связано с общими тенденциями к анонимизации. Неузнавание в порно стало отражением общих тенденций к анонимизации идентичности и актуализации ее серийного характера.

В подобной ситуации, как полагает Д. Галашвили, «общество, питаемое культурной индустрией, можно назвать больным, поскольку в этом случае подавляются оптимальные условия для человеческого развития. С развитием технологий шансов на то, что революционный голос в человеке сможет вновь пробудиться, становится все меньше и меньше. Человек стал “одномерным”, он потерял всякую самостоятельность, и больше всего этому способствовала культурная индустрия» (Galašvili, 2018). Вместе с тем, неузнавание не только важный, но и связующий компонент между различными элементами сюжета.

По мнению А.В. Рафаевой, «элементы повествования, которые не попадают под описание хода, считаются связками. Связки бывают двух видов: информационные и преобразовательные» (Рафаева, 1998). Что касается современного порнографического дискурса, то информационность и преобразовательность вытеснена визуальностью, так как качества, описанные А.В. Рафаевой, в современном обществе потребления ассимилируются со значительными сложностями. Неузнавание присутствует в ограниченном числе роликов, где роли участников распределены по принципу «жертва» / «спаситель». Неузнавание проявляется со стороны жертвы, но, как правило, является искусственным и наигранным. Результатом подобной коммуникации является разоблачение раннее неузнанного героя.

Герою предлагается трудная задача / Задача решается

Современный порно дискурс, хотя и имеет генетические связи с традиционной сказкой, так как актуализирует нереальные, частично фантастические и сказочные варианты развития событий, тем не менее, задачи, которые ставятся перед героями, не могут быть признаны «трудными». В этом отношении порно-дискурс напоминает сказочный, но не повторяет его в полной мере, скорее симулируя и имитируя. Подобный процесс трансформации сказки как элемента традиционной культуры в обществе потребления исследователями определяется как «фабуляция» (Smith, 2014, p. 13).

В рамках решения таких задач герои порно, как и герои народной сказки, по мнению исследователей (Кербелите, 1991), реализуют «стремление к свободе от чужих или господству над ними, добывание средств существования или объектов, создающих удобство, стремление к равноправному или высокому положению в семье, роду или обществе» (Кербелите, 1994). Поэтому, «трудность» в такой ситуации является наигранной, так как предусматривает решение вполне решаемой задачи. Причем, последняя решается не вербально, но путем физического (сексуального) взаимодействия, так дискурс в массовой культуре утрачивает свои позиции в конкуренции в визуальном и ему «отводятся второстепенные позиции» (T'rap'aidze, 2010).

В результате коммуникация героев переходит на новый уровень. Более того, как подчеркивает Н.М. Герасимова, «инициальные и финальные формулы образуют рамку сказочного текста» (Герасимова 1978b, с. 175). Подобно сказочному нарративному и традиционному, современный визуальный порно-дискурс также ограничен в пределах подобных формул, что позволяет сравнивать функции порно в обществе потребления с социальными задачами сказки в домодерной культуре. В результате имитации и симуляции структур, характерных для традиционной культуры, «западная порноиндустрия сделала секс глобальной этической и эстетической ценностью. Секс перестал быть связанным с покаянием, первородным грехом Адама и Евы» (Gvasalia, 2020).

Визуальный порно-дискурс фактически стал подобен дискурсу народной сказки, которая реализовывала запрос носителей традиционной культуры на волшебное. Современное порно фактически выполняет очень близкие задачи, реагируя на запросы на сексуальность. Примечательно в этой ситуации и то, что последняя актуализируется и визуализируется в таких формах, которые уподобляют порно сказке, так как содержательно и порнографическое, и сказочное пространства нереальны и в этом отношении – «волшебны».

В этом отношении родство порно как сегмента массовой культуры общества потребления и сказки как элемента традиционной культуры домодерных социумов актуализирует важность такого качества как «достоверность». По мнению В.А. Черванёвой, «установка на достоверность или же установка на вымысел задают модальную рамку текста и целый ряд сущностных параметров жанра: систему действующих лиц, позицию рассказчика по отношению

к сообщаемому, характер хронотопа – степень условности и конкретности деталей, характер соотношения с реальной окружающей рассказчика действительностью» (Черванёва, 2020, с. 10). Порно в этом контексте дублирует или же симулирует приемы к конструированию достоверности, характерные для сказки как элемента традиционной культуры с той только разницей, что сказка нами фиксируется как в устной, так и нарративной форме, а пространства бытования порно исключительно визуальны.

Герой вступает в брак и воцаряется

«Брак» / «свадьба» не самые частые элементы современного порнографического дискурса. Они присутствуют только в тех случаях, если сюжетно ролик структурируется именно вокруг свадьбы. В ряде случаев структура роликов предусматривает наличие определенных ролей, связанных именно со свадьбой. Иногда могут присутствовать только определенные элементы свадьбы, например, свадебное платье.

Подобные, формально реальные, элементы не придают порнографическому дискурсу большую реальность, содействуя только и исключительно ее имитации, что роднит порнографический и сказочный дискурс, так как они оперируют категориями воображаемого и в этом контексте действие перемещается в пространство сказочного. По мнению Ш. Барбакадзе, «к сожалению, накопилось много фальши, лицемерия, условностей и риторики. Бунт против всего этого естественен. Рядом с протестом против фальши и лицемерия появились новые фальшь и лицемерие» (Barbakadze, 2012), что характерно и для современного порно.

Если мы воспринимаем порно не только как порождение официальной и доминирующей культурной модели общества потребления, то мы вынуждены признать и то, что протестный потенциал порно был быстро исчерпан, так как оно, став сегментом рыночно ориентированной массовой культуры общества потребления, начало использовать характерные для него стратегии маркетинга, что актуализировало его симулятивный и имитативный характер.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые не только существенно влияют на функционирование современного порнографического дискурса, определяя его основные векторы и траектории развития в обществе потребления, но и актуализируя как типологические особенности порно в массовой культуре, так и его исторические и генетические связи с предшествующей архаичной культурой.

Таким образом, современный порно-дискурс воспринимается как актуализированная, модернизированная и визуализированная форма бытования, существования и функционирования в обществе потребления волшебной сказки. Порно и волшебная сказка имеют ряд совпадений и пересечений, важнейшим из которых является их нереальный характер. Формально

имитируя реальные ситуации, сюжеты современного порнографического дискурса фактически, являются нереальными. В этом контексте в обществе потребления порно выполняет функции волшебной сказки, предлагая альтернативу носителям культуры потребления, которые вынуждены усваивать серийные формы культурного поведения, воспроизводимые индустриями развлечения в рамках общества потребления.

Структурно современные порноролики, которые доступны на специализированных сайтах в Интернете, могут имитировать, симулировать и повторять культуру традиционной домодерной сказки. Поэтому порно можно воспринимать, как форму адаптации народных форм культуры к вызовам современного общества потребления. В этом отношении значительная часть визуализированных форм современного порнографического дискурса фактически воспроизводит те структурные элементы, которые мы находим в классической традиционной волшебной сказке.

Актуализация сказочной функции через призму порно в современном обществе свидетельствует о наличии тенденций кризиса культуры потребления. Культура потребления, которая начала активно развиваться во второй половине XX века, фактически содействовала десакрализации мира, стимулируя процессы трансформации культурных пространств и смешения различных форм культуры. В результате дихотомия «высокая» и «низкая» культура фактически стала анахронизмом, превратившись в достояние культуральной истории и истории искусств. В этом контексте культура современного общества массового потребления представляет собой некий унифицированный продукт, воспроизводимый специализированными культурными индустриями, для которых характерна значительная специализация. Поэтому появление порно, которое может воспроизводиться вне контроля крупных компаний (хотя таковые в современной порно-индустрии играют значительную роль), можно воспринимать как своеобразную форму культурного протеста.

Кроме этого, современный визуальный порно-дискурс актуализирует кризисные тенденции массовой культуры в том смысле, что делает видимым и более значимым запрос современного общества на традиционное домодерное сознание. В этом контексте порно является попыткой актуализации архаичных мифов, связанных с разрушением современных социальных иерархий общества потребления, которые имеют преимущественно социальный и экономический характер, базируясь на соответствующих политических основаниях.

Список литературы

- Abuladze, M. (2021, июль 12). *Tskhovreba tsariel sit'q'vebši*. *Semiot'ik'a*.
<https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/07/12/მიმა-აბულაძე-ცხოვრება-ცა/>
(на грузинском языке).

- Baciu, A.-M. (2023). *Fairy Tales and the Shift in Identity Poetics from Modernism to Postmodernism*. Cambridge Scholars Publishing.
- Barbakadze, S. (2012, апрель 24). *Ghia*” adamianebi “ghia sazogadoebaši”. *Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/04/24/შოთა-ბარბაქაძე-ია-ადამია/> (на грузинском языке).
- Barbakadze, T. (2015a, август 1). *Ra aris vizualizatsia anu rat'om unda ipikrot sakheebit?* *Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2015/08/01/ცირა-ბარბაქაძე-რა-არის-ვი/> (на грузинском языке).
- Barbakadze, T. (2015b, август 1). *Semiot'ik'a–Metsniereba, metodologia, msoplkhedva*. *Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2015/08/01/ცირა-ბარბაქაძე-სემიოტიკა/> (на грузинском языке).
- Berek'ašvili, T. (2010b, август 8). *Esse marginalobasa da mots'q'enilobaze*. *Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/13/თამარ-ბერეკაშვილი-პოსტმ/> (на грузинском языке).
- Berek'ašvili, T. (2010a, август 13). *P'ost'modernizmi da masobrivi k'ult'ura*. *Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/08/თამარ-ბერეკაშვილი-ესსე-მ/> (на грузинском языке).
- Burt, R. (2001, сентябрь 2). *Porn Is Part of Our Culture*. *Los Angeles Times*. <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2001-sep-02-op-41948-story.html>
- Čighvinadze, A. (2015, август 7). *K'apk'as ar hkonda t'elevizori*. *Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi*. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=445> (на грузинском языке).
- Ebanoidze, M. (2010, ноябрь 19). *T'ekst'i da realoba*. *Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/11/19/მირიან-ებანოიძე-ტექსტი-და/> (на грузинском языке).
- Galašvili, D. (2018, сентябрь 23). *K'ult'uruli indust'ria da motkhovniloba*. *Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi*. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1589> (на грузинском языке).
- Gvasalia, G. (2020, февраль 29). *Esse p'ornografiaze*. *Akti.ge*. <https://akti.ge/ka/blog/13> (на грузинском языке).
- Hughes, S. (2017a). *Erotic Folktales from Norway*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Hughes, S. (2017b, декабрь 21). *Erotic Folktales: The Yule Buck and the Girl*. *Folklore Thursday*. <https://folklorethursday.com/folktales/erotic-folktales-the-yule-buck-and-the-girl/>
- Koiava, R. (2013, январь 3). *Ist'oriuli metsniereba p'ost'modernis ep'okaši*. *Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi*. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1198> (на грузинском языке).
- Legman, G. (1964). *The Horn Book: Studies in Erotic Folklore and Bibliography*. University Books.
- MacKinnon, C. (2000). *Points against Postmodernism*. *Chicago-Kent Law Review*, 75(3), 687–712.
- Mariamidze, G. (2013, январь 3). *M't'eri*. *Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi*. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=794> (на грузинском языке).
- Schussler, A. (2013). *Pornography and Postmodernism*. *Postmodern Openings*, 4(3), 7–23. <https://doi.org/10.18662/po/2013.0403.01>

- Smith, K. (2004). *The intertextual use of the fairy tale in postmodern fiction*. Sheffield Hallam University.
- Tevzadze, G. (2021, май 27). *Gut'enbergidan – Tsuk'erbergamde (nap'rali or samq'aros šoris. Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/05/27/3030-თევზადე-გუტენბერგიდანი/> (на грузинском языке).
- Trapa'idze, N. (2010, ноябрь 19). *T'ekst'is gagebis tanamedrove p'roblemebi. Semiot'ik'a*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/11/19/6554-ტრეპაიძის-გა/> (на грузинском языке).
- Адоньева, С. Б. (2004). *Прагматика фольклора*. Издательство Санкт-Петербургского университета – Амфора.
- Адоньева, С. Б. (2007). *Ритуал, он же – обряд. Разговор об определениях*. Русский фольклор в современных записях. http://folk.ru/Research/adonyeva_ritual_2007.php?rubr=Research-articles
- Богатырев, П. Г., & Якобсон, Р. О. (1971). Фольклор как особая форма творчества. В П. Г. Богатырев, *Вопросы народного творчества* (с. 369–383). Искусство.
- Брето, К., & Заньоли, Н. (1985). Множественность смысла и иерархия подходов в анализе магрибской сказки. В Е. М. Мелетинский (Ред.), *Зарубежные исследования по семиотике фольклора* (с. 167–184). Наука.
- Веселова, И. С. (1998). О зависимости функции текста от формы его бытования. *Мифология и повседневность. Материалы научной конференции 18 – 20 февраля 1998 года*, 7–13.
- Веселова, И. С. (2006). О степенях достоверности фольклорного рассказа. *Фольклор, пост-фольклор, быт, литература. Сборник статей к 60-летию А. Ф. Белоусова*, 50–58.
- Герасимова, Н. М. (1978b). Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки. *Русский фольклор, XVIII*, 173–180.
- Герасимова, Н. М. (1978a). Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры). *Советская этнография*, 5, 18–28.
- Кербелите, Б. (1991). *Историческое развитие структур и семантики сказок*. Вага.
- Кербелите, Б. (1994). Сравнение структурно-семантических элементов повествования разных народов. В В. Гацак (Ред.), *Фольклор. Проблемы тезауруса* (с. 7–19). Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Наследие.
- Кербелите, Б. (2005). *Книга народных сказок: Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок*. Издательство РГТУ.
- Кирчанов, М. В. (2020). Морфология тела и телесности в порно: Идеологизация телесности, или как тела заговорили по-русски. *Corpus Mundi*, 1(4), 71–94. <https://doi.org/10.46539/cmj.v1i4.33>
- Летина, Н., & Ежгурова, Н. (2018). Взаимодействие традиционной и массовой культуры в современном отечественном музыкальном фольклоре. *Верхневолжский филологический вестник*, 1, 204–208.
- Малиновский, Б. (1998). Роль мифа в жизни. В Б. Малиновский, *Магия, наука, религия* (с. 94–108). Рефл-бук.
- Мелетинский, Е. М. (1977). К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике. В Ю. Я. Барабаш (Ред.), *Семиотика и художественное творчество* (с. 152–170). Наука.

- Мелетинский, Е. М. (1984). Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе). В *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов* (с. 57–62). Наука.
- Мелетинский, Е. М. (1998). Структурно-топологическое изучение сказки. В В. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки* (с. 437–466). Лабиринт.
- Неклюдов, С. Ю. (2011). Голая невеста на дереве. В А. В. Гура (Ред.), *Славянский и балканский фольклор*. Вып. 11: «Виноградье» (с. 195–204). Индрик.
- Пенушлиски, К. (2015). *Македонски еротски приказни*. Pelister (на македонском)
- Пропп, В. (1928). *Морфология сказки*. Academia.
- Пропп, В. (1986). *Исторические корни волшебной сказки*. Издательство ЛГУ.
- Рафаева, А. В. (1998). Методы В. Я. Проппа в современной науке. В В. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки* (с. 467–485). Лабиринт.
- Черванёва, В. А. (2020). «Возможные» и «невозможные» миры в фольклоре. *Фольклор: структура, типология, семиотика*, 3(3), 10–13.
- Чистов, К., & Тишков, В. (1997). С К.В.Чистовым беседует В.А.Тишков. Валерий Тишков. http://valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/chistov.html
- Шейтанов, Н. (1932). Сексуалната философия на българина. *Философски преглед*, 4(3). <https://librev.com/index.php/scribbles/essays/640-2009-07-26-10-52-24> (на болгарском)

References

- Abuladze, M. (2021, July 12). *Tskhovreba tsariel sit'q'vebši*. [Life in empty words]. Semiotics. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/07/12/მიზა-აბულაძე-ცხოვრება-ცა/> (In Georgian).
- Adon'eva, S. (2004). *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of folklore]. St. Petersburg University Publishing House – Amphora. (In Russian).
- Adon'eva, S. (2007). *Ritual, on zhe – obryad. Razgovor ob opredeleniyakh* [Ritual, aka rite. Talk about definitions]. *Russkiy fol'klor v sovremennykh zapisyakh*. http://folk.ru/Research/adonyeva_ritual_2007.php?rubr=Research-articles (In Russian).
- Baciu, A.-M. (2023). *Fairy Tales and the Shift in Identity Poetics from Modernism to Postmodernism*. Cambridge Scholars Publishing.
- Barbakadze, C. (2015a, August 1). *Ra aris vizualizatsia anu rat'om unda ipikrot sakheebit?* [What visualization is, or why should You think with faces?] Semiotics. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2015/08/01/ცირა-ბარბაქაძე-რა-არის-ვი/> (In Georgian).
- Barbakadze, C. (2015b, August 1). *Semiot'ik'a–Metsniereba, metodologia, msoplkhedva* [Semiotics – science, methodology, worldview]. Semiotics. August 1. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2015/08/01/ცირა-ბარბაქაძე-სემიოტიკა/> (In Georgian).
- Barbakadze, S. (2012, April 24). *Ghia" adamianebi "ghia sazogadoebaši"* ["Open" people in "open society"]. Semiotics. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/04/24/შოთა-ბარბაქაძე-ია-აღადნა/> (In Georgian)

- Berekašvili, T. (2010b, August 13). *Esse marginalobasa da mots'q'enilobaze* [An essay on marginality and boredom]. *Semiotics*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/13/თამარ-ბერეკაშვილი-პოსტმ/> (In Georgian).
- Berekašvili, T. (2010a, August 8). *P'ost'modernizmi da masobrivi k'ult'ura* [Postmodernism and mass culture]. *Semiotics*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/08/08/თამარ-ბერეკაშვილი-ესე-მ/> (In Georgian).
- Bogatyrev, P., & Jakobson, R. (1971). *Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva* [Folklore as a special form of creativity]. In P.G Bogatyrev., *Voprosy narodnogo tvorchestva* (pp. 369 – 383). *Iskusstvo*. (In Russian).
- Breteau, C., & Zagnoli, N. (1985). Plurality of meaning and hierarchy of approaches in the analysis of the Maghreb tale. In *Zarubezhnye issledovaniya po semiotike fol'klora* (pp. 167 – 184). Nauka Publisher (In Russian).
- Burt, R. (2001). *Porn Is Part of Our Culture*. *Los Angeles Times*. September 2. <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2001-sep-02-op-41948-story.html>
- Chervaneva, V.A. (2020). "Probable" and "improbable" worlds in folklore. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 3(3), 10 – 13. (In Russian).
- Chistov, K., & Tishkov, V. (1997). *S K.V.Chistovym beseduet V.A.Tishkov* [Valerii Tishkov talks with Kirill Chistov]. Valeriy Tishkov. http://valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/chistov.html (In Russian)
- ჭიგვინაძე, ა. (2015, August 7). *K'apk'as ar hkonda t'elevizori* [Kafka didn't have a TV]. *Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi*. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=445> (In Georgian).
- Ebanoidze, M. (2010, November 19). *T'ekst'i da realoba* [Text and reality]. *Semiotics*. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/11/19/მირიან-ებანიძე-ტექსტი-და/> (In Georgian).
- Galašvili, D. (2018, September 23). *K'ult'uruli indust'ria da motkhovniloba* [Cultural industry and demand]. *Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi*. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1589> (In Georgian).
- Gerasimova, N. M. (1978a). *Formuly russkoy volshebnoy skazki (K probleme stereotipnosti i variativnosti traditsionnoy kul'tury)* [Formulas of Russian fairy tales (On the problem of stereotyping and variability of traditional culture)]. *Sovetskaya etnografiya*, 5, 18–28. (In Russian).
- Gerasimova, N. M. (1978b). *Prostranstvenno-vremennye formuly russkoy volshebnoy skazki* [Spatio-temporal formulas of Russian fairy tales]. *Russkiy fol'klor*, XVIII, 173–180. (In Russian).
- Gvasalia, G. (2020, February 29). *Esse p'ornografiaze* [Essay on pornography]. *Akti.ge*. <https://akti.ge/ka/blog/13> (In Georgian).
- Hughes, S. (2017a). *Erotic Folktales from Norway*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Hughes, S. (2017b, December 21). *Erotic Folktales: The Yule Buck and the Girl*. *Folklore Thursday*. <https://folklorethursday.com/folktales/erotic-folktales-the-yule-buck-and-the-girl/>
- Kerbelytė, B. (1991). *Istoricheskoe razvitie struktur i semantiki skazok* [Historical development of the structures and semantics of fairy tales]. *Vaga*. (In Russian).
- Kerbelytė, B. (1994). *Sravnenie strukturno-semanticheskikh elementov povestvovaniya raznykh narodov* [Comparison of structural and semantic elements of the narrative of different

- peoples]. In V. Gatsak (Ed.) *Folklore. Problems of thesaurus* (pp. 7 – 19). A.M. Gorky Institute of World Literature. (In Russian).
- Kerbelytė, B. (2005). *Kniga narodnykh skazok: Strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya litovskikh narodnykh skazok* [Book of Folk Tales: Structural and Semantic Classification of Lithuanian Folk Tales]. RSUH Publisher. (In Russian).
- Koyava, R. (2013, January 3). *Ist'oriuli metsniereba p'ost'modernis ep'okaši* [Historical science in the post-modern era]. Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1198> (In Georgian).
- Kyrchanoff, M. (2020). Morphology of body and corporality in porn: ideologization of body, or how bodies started to speak in Russian. *Corpus Mundi*, 4, 71 – 94. <https://doi.org/10.46539/cmj.v1i4.33> (In Russian)
- Legman, G. (1964). *The Horn Book: Studies in Erotic Folklore and Bibliography*. University Books.
- Letina, N., & Ezhgurova, N. (2018). *Vzaimodeystvie traditsionnoy i massovoy kul'tury v sovremennom otechestvennom muzykal'nom fol'klore* [Interaction of traditional and mass culture in modern domestic musical folklore]. *Upper Volga Philological Bulletin*, 1, 204-208. (In Russian).
- MacKinnon, C. (2000). Points against Postmodernism. *Chicago-Kent Law Review*, 75(3), 687–712.
- Malinowski, B. (1998). The role of myth in life. In B. Malinowski, *Magic, science, religion* (pp. 94 – 108). Refl-book. (In Russian)
- Mariamidze, G. (2013, January 3). *M'teri*[Enemy]. Tanamedrove pilosopia, lit'erat'ura, eseist'ik'a, siurrealist'uri glemi. <https://demo.ge/index.php?do=full&id=794> (In Georgian)
- Meletinsky, E. (1984). The Incest Archetype in the Folklore Tradition (Especially in the Heroic Myth). In *Folklore and ethnography. At the ethnographic origins of folklore plots and images* (pp. 57-62). Nauka Publisher. (In Russian).
- Meletinsky, E. (1998). Strukturno-topologicheskoe izuchenie skazki [Structural and topological study of a fairy tale]. In V. Propp, *Historical roots of fairy tales* (pp.437-466). Labyrinth. (In Russian)
- Meletinsky, E. (1977). K voprosu o primeneniі strukturno-semioticheskogo metoda v fol'kloristike [On the issue of using the structural-semiotic method in folklore studies]. In Yu. Ya. Barabash (Ed.), *Semiotika i khudozhestvennoe tvorchestvo* (pp. 152 – 170). Nauka Publisher. (In Russian).
- Neklyudov, S. (2011). *Golaya nevesta na dereve* [Naked bride on a tree]. In A.V. Gura, *Slavic and Balkan folklore. "Vinogradye"* (pp. 195 – 204). Indrik Publisher. (In Russian).
- Penušliski, K. (2015). *Macedonian erotic stories*. Pelister. (In Macedonian).
- Propp, V. (1928). *Morphology of a fairy tale*. Academia. (In Russian).
- Propp, V. (1986). *Historical roots of fairy tales*. Leningrad State University Publishing House. (In Russian).
- Rafaeva, A. (1998). *Metody V. Ya. Proppa v sovremennoy nauke* [Methods of Vladimir Propp in modern science]. In V. Propp, *Historical roots of fairy tales* (pp. 467-485). Labyrinth. (In Russian).
- Schussler, A. (2013). Pornography and Postmodernism. *Postmodern Openings*, 4(3), 7 -23. <https://www.doi.org/10.18662/po/2013.0403.01>
- Šeitanov, N. (1932). *Seksualnata filosofiya na b"lgarina* [The sexual philosophy of the Bulgarian]. *Philosophical Review*, 4(3). <https://librev.com/index.php/scribbles/essays/640-2009-07-26-10-52-24> (In Bulgarian).

- Smith, K. (2004). *The intertextual use of the fairy tale in postmodern fiction*. Sheffield Hallam University.
- Tevzadze, G. (2021, May 27). *Gut'enbergidan – Tsuk'erbergamde (nap'rali or samq'aros šoris [From Gutenberg to Zuckerberg (the gap between two worlds)]*. Semiotics. <https://semioticsjournal.wordpress.com/2021/05/27/გივი-თევზაძე-გუტენბერგი/> (In Georgian)
- Trapaidze, N. (2010, November 19). *Tekst'is gagebis tanamedrove p'roblemebi [Modern problems of text comprehension]*. Semiotics. https://semioticsjournal.wordpress.com/2010/11/19/ნანა-ტრაპაიძე-__-ტექსტის-გა/ (In Georgian).
- Veselova I. (2006). *O stepenyakh dostovernosti fol'klornogo rasskaza [On the degrees of reliability of a folklore story]*. In *Folklore, post-folklore, everyday life, literature. Collection of articles for the 60th anniversary of A.F. Belousov*, 50-58.
- Veselova, I. (1998). *O zavisimosti funktsii teksta ot formy ego bytovaniya [On the dependence of the function of a text on the form of its existence]*. In *Mythology and everyday life. Proceedings of the scientific conference February 18-20, 1998*, 7-13.